

Author: Попова Надежда Александровна

Телохранитель

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ Рассказ

Москва, 1997 год

Когда тебе двадцать восемь, тридцатилетие - нечто умозрительное, как смерть. Ты знаешь, что оно будет, что будет теперь уже скоро, но, тем не менее, пока еще не осознаешь этого во всей полноте. Однако, когда приближается двадцать девятый день рождения, мысли о надвигающихся трех десятках приходят все чаще и становятся все мрачнее; начинается подсчет актива и пассива. Актив Кристины был: кошка, двухкомнатная квартира в десяти минутах от метро, профессия референта. Пассив: тридцать лет в пугающей близости, потерянная работа; и смерть, похоже, еще ближе, чем тридцатилетие. Но даже на фоне всей этой унылой перспективы едва ли не самым страшным было полнейшее одиночество - если не считать кошки, никто близкий в ее жизни не присутствовал. Совсем еще недавно Кристина строила неплохие планы на бухгалтера шефа, однако, когда она с таким треском вылетела из конторы, все радужные надежды пошли прахом. Запасной парень, с которым она встречалась время от времени (на всякий случай) позавчера хлопнул дверью - видите ли, с ней стало невозможно общаться, она стала нервной и истеричной... На него бы она посмотрела с такими проблемами...

Сегодня была сделана очередная попытка эти проблемы решить: утром Кристина собралась, решительно вышла из дому с уже написанным по всей форме заявлением, с вещдоками, и отправилась за две остановки метро в отделение милиции, к которому относился ее район. У путей старалась близко к краю не подходить, от слишком пристальных мужских взглядов держалась подальше, в толпе не задерживалась, от людей с руками в карманах почти шарахалась - в общем, правила безопасности, кажется, соблюдала. Однако перед зданием милиции вдруг остановилась.

У дверей курили двое - фуражки сдвинуты на затылок, лбы блестят от пота, а глаза - явно от недавно выпитого, и у обоих одинаковые, как у близнецов, пузики, обтянутые кителями с почти рвущимися от натяжения пуговицами. У порога, опустив голову на лапы, подремывал бездомный пес, грязный, огромный, как жеребец, и, уходя внутрь, один из стражей народного спокойствия перешагнул через неподвижную тушу.

От этой картины ей вдруг стало тоскливо и почти физически дурно. Всю эту сцену можно было смело фоткать и помещать на борд с надписью 'Спи спокойно, организованная преступность'. Кристина представила себе, как входит в дежурку и видит перед собой третьего близнеца из этой породы - почему-то она была уверена, что обнаружит его жующим или, хуже, полуспящим; представила, как у нее принимают заявление, обещают заняться - дня через четыре, когда ее труп опознают...

Она развернулась и поехала домой. На душе было тоскливо и так погано, Кристина напрочь забыла обо всех предосторожностях - просто перемещалась, как автомат, выходя на нужных остановках, поднимаясь на эскалаторы и пропуская вперед старушек с сумками, а посему, когда, впрыгивая в уже закрывающиеся двери, налетела на кого-то, то даже вскрикнула от неожиданности и вдруг вспомнившегося испуга, прижав руки к груди и

выронив сумочку. За спиной съехались тяжелые створки, и в лопатки стали упираться локти тех, кому тоже повезло вбежать следом за ней, проталкивая Кристину дальше в толпу. Испуг вмиг перешел в панику, когда она осознала, что не может подобрать сумочку, улетевшую куда-то в сторону, а ее оттесняют все дальше и дальше. На попытки протолкаться к ней реакция была ожидаемой и понятной - русский народный фольклор и сплочение рядов, пресекающее всякое движение.

- Там... - ее голоса не было слышно за грохотом колес даже ей самой, и Кристина уже готова была расплакаться, когда между стоящими вплотную двумя кавказцами просунулась рука с ее белой сумочкой, которая теперь обзавелась темно-серым отпечатком чьего-то ботинка.

Облегчение было таким, что на несколько секунд она онемела и, кажется, окаменела вовсе, видя только эту руку; даже не злосчастный этот ридикюль, а руку - мужскую руку в сером рукаве. 'Спасибо', - пробормотала Кристина, наконец очнувшись, совершенно машинально, понимая при том, что ее не услышат, и прижала сумочку крепче к себе. Однако, к ее удивлению, в ответ донеслось почти заглушенное грохотом 'не за что', а над плечом одного из кавказцев впереди обрисовалось лицо спасителя, тут же скрывшееся за чьей-то рукой, ухватившейся за верхний поручень.

Дура, приговаривала Кристина, выходя на своей остановке и направляясь к выходу. Дура, полная дура. Ведь еще вчера решила, что ни в какую милицию не пойдет, никому ни о чем говорить не будет, что лучше всего - продать к чертовой матери квартиру и уехать куда-нибудь, и тогда, может, повезет, и про нее просто забудут. Вот и надо было сидеть дома и не высовываться...

- Девушка...

От голоса за самым плечом Кристина вздрогнула, но не обернулась. Парадокс - оставшись без парня в почти тридцать лет надеяться, что мужской

голос за твоей спиной окликает не тебя...

- Девушка, - повторил голос громче, и его обладатель, нагнав ее, добавил: - я извиняюсь...

Вокруг было многолюдно, от мчащихся машин далеко, и Кристина рискнула остановиться и посмотреть в сторону говорящего, задержав дыхание и чувствуя, что руки начинают подрагивать. Лицо рядом оказалось лицом спасителя сумочки - лицо улыбалось, и смеющиеся глаза смотрели прямо на нее.

- Я извиняюсь, - опять произнёс он, и улыбка стала вдруг смущенной, - но мы не могли с вами раньше видеться?

- Да, виделись, - ответ прозвучал помимо воли холодно и почти сухо. - Вы мне сумочку подняли сейчас в метро. Спасибо, кстати.

- Да не за что... Нет, я имею в виду - раньше...

- Раньше - нет, - отрезала Кристина и двинулась вперед.

Знакомиться сейчас с кем-то не было настроения - это во-первых. Попытка была пошлой и истертой многовековыми использованиями - это во-вторых. Ну, а в-третьих, спасителю сумочек было лет двадцать, а подобные личности с женщинами ее возраста знакомятся либо для того, чтобы с комфортом потерять девственность, либо для самоутверждения, либо будучи инфантильными любителями мамочек... Либо эта конкретная личность желает познакомиться конкретно с ней, чтобы выполнить конкретное поручение, полученное от вполне конкретного человека...

- Девушка... - Парень обогнал ее и пошел спиной вперед, не обращая внимания на толкающих его прохожих. - Я опять прошу прощения. Я испробовал два способа, и каждый оказался неудачным.

- Не поняла... Что? Способа чего?

- Познакомиться с вами, - улыбка стала еще шире, и Кристина почувствовала, что улыбается в ответ, такой она была обвораживающей и заразной. - Ну, вот вы и улыбнулись... В метро это я на вас натолкнулся. Ну, знаете, как в кино - сумочка падает, ах, ох, спасибо, не за что, да что вы, а как вас зовут... Не удалось. Помешал человеческий фактор в виде толпы. Да и вообще, это, наверное, работает, только когда ты и сам как в кино - красавчик с экранной небритостью, а я на свой счет не обольщаюсь.

'А зря', - вдруг подумала Кристина, помимо воли скользнув оценивающим взглядом по собеседнику. Ну, нет, не Том Круз, конечно, но вполне даже. Эдакий симпатичный брюнетик с недавним южным загаром, а главное - взгляд уж очень необычный. Глаза у него были не карие, даже не серые, что уже было бы оригинальным, а какие-то не то зеленые, не то желтоватые, как поздний мед. И улыбка. В общем, ничего себе так...

- Вот прием с 'а мы не виделись ли?' я и сам всегда считал пошлым и дурацким. Ну, и не ошибся. Это работает, только когда девушка сама не против сегодня завести знакомство, а вы, как я вижу, в деловом настроении, поэтому... - он развел руками, и проходящий мимо мужик в костюме едва успел увернуться, бросив что-то нелюбезное. - Так что я решил просто подойти и представиться, потому что вы сейчас уйдете, и я не уверен, что случай сведет меня с вами снова, когда вы будете в настроении. Меня зовут Вадим, и, если вы скажете, что я должен сделать, чтобы вам понравилась идея со мной познакомиться, я исправлюсь.

- Для начала развернитесь по ходу движения, - засмеялась Кристина, - а то вас затопчут.

- Есть, - отозвался тот, с готовностью зашагав рядом. - Вы не послали меня к черту сразу; это хороший знак?

- Наверное, - игриво шевельнула плечом она, покосившись в его сторону.

Как он сказал... Вадим?

- Что еще мне надо сделать, чтобы вы сказали, как вас зовут?

Ответ застрял в горле, когда ее взгляд встретился с другим взглядом в толпе; именно этого взгляда она и боялась все сегодняшнее утро - пристального, неподвижного, какой она видела в 'Мире животных' у хищника не перед прыжком, а когда он еще затаился в зарослях, оценивая расстояние и возможности жертвы...

Все-таки следят. Все-таки... Как долго? Внезапно ладони похолодели, а голова чуть поплыла; видел ли он, откуда она возвращается? А если да, то видел ли, что внутрь не заходила? А вдруг нет...

- Что сделать? - переспросила Кристина, постаравшись, чтобы голос не изменился, и подцепила его под руку. - Проводите меня. Здесь недалеко.

- Да хоть в другой конец Москвы, - заверил Вадим, и ей показалось, что он перехватил и проследил ее взгляд на того, в толпе; вслух, однако, ничего не сказал. - Итак?

- Кристина.

- Кристина... Вам это имя очень подходит.

- Почему?

- Потому что у красивого человека должно быть красивое имя.

Ответ был ожидаемым, однако она чуть не зарделась; совершенно банальный комплимент был сказан таким непререкаемо убежденным тоном, так просто, что не возникало никаких сомнений в том, что был констатирован очевидный факт. Сказать в ответ на такое обычное 'спасибо' у Кристины не повернулся язык - это прозвучало бы глупо; не сказать ничего - тоже не слишком умно, но продолжить разговор у нее все никак не получалось - спиной чувствовался взгляд того, другого, и голова просто отказывалась работать...

- У вас холодные руки, - вдруг неожиданно заметил Вадим, а когда она вскинула к нему глаза, не зная, возмутиться ли, пояснил, снова улыбнувшись: - Прошу прощения. Медицинские познания не слишком вовремя... Извините.

- Нет, вы это о чем? - все-таки нахмурилась она; тот, кажется, смутился.

- Невропатология гласит, что в стрессовой ситуации у человека сужаются сосуды, а поэтому холодеют ладони, щеки... Отсюда и 'бледность от страха', у многих - от гнева; вот я и подумал - вы испугались чего-то или просто злитесь на мою назойливость?

- Вы медик?

- Значит, злитесь?

- Нет, - улыбнулась Кристина, бросив последний взгляд по сторонам, и, не увидев 'хвоста', решила перестать пока об этом думать. Как говорила Скарлетт О'Хара? 'Не буду думать об этом сегодня'. - Так вы медик?

- Почти.

Ну, конечно, дура... Какой он в этом возрасте медик! Наверняка еще учится...

За эти пару минут их краткой беседы то ли сама она вдруг забыла, что ей уже давно не двадцать лет, то ли поведение Вадима никак не соотносилось с его возрастом; как бы там ни было, не возникало ощущения, что она, взрослая женщина, говорит с каким-то юнцом-студентом. Стало быть, инфантила, ищущего мамочку, вычеркиваем, отметила она про себя. Самоутверждаться ему, кажется, тоже не слишком надо - по крайней мере, не за счет более взрослой подружки. Несмотря на временами прорывающееся смущение, причиной которого является стойкое желание понравиться, он, кажется, во всем остальном вполне в себе уверен. Стало быть, либо ее избрали как кандидата на лишение девства, либо - в конце концов, выглядит она очень даже ничего, может же она и просто понравиться...

- Вы...

- Стоп, - решительно прервала его Кристина, пытаясь не дать настроению снова испортиться. - Если мы не переходим на 'ты', я начну входить в состояние стресса. Злиться начну, проще говоря. Если, конечно, ты не ждешь, что я тебя усыновлю.

- Это было бы нежелательно, - усмехнулся Вадим и нарочито печально вздохнул: - Прошу прощения, морально изувечен архаическим воспитанием и обременен правилами хорошего тона.

- И что они гласят?

Надеюсь, не то, что 'надо уважать старших', договорила она про себя.

- Надеешься - что? - переспросил он.

- Что? - спохватилась Кристина; тот пояснил:

- Ты сказала 'надеюсь, не'; дальше я не расслышал.

Вслух заговорила, констатировала она обреченно, и, заставив себя улыбнуться, кивнула на подъезд своего дома, до которого осталось метров двадцать.

- Надеюсь, твои правила не гласят, что на первом свидании не заходят в дом к девушке?

- Если это - свидание, я их подкорректирую, - откликнулся Вадим с энтузиазмом. - А если будет и второе, готов обсудить и другие поправки.

- Значит, обсудим, - заверила его Кристина, вспоминая, не забыл ли ушедший позавчера запасной игрок что-нибудь отличительно-мужское на видном месте.

В комнате было темно, и человека, стоящего лицом к задернутому шторой окну, было почти не видно. Лишь на несколько мгновений, когда он

прикуривал, свет зажигалки осветил воротник рубашки - и все.

- Так что? - нетерпеливо спросил сидящий в кресле мужчина.

Стоящий у окна промолчал и лишь передернул плечами.

- Слушайте, я вам вопрос задал!

- Точнее, - сухо бросил тот.

- У вас есть успехи? Вы следите за ней? Она была где-то... есть что-то, о чем вы не знали?

- Нет. И да.

- Что - нет? - раздраженно повысил голос человек в кресле. - Что - да?!

- Нет. Не была. Да. Слежу. Сегодня она познакомилась с парнем, - стоящий у окна усмехнулся. - Его зовут Вадим. Довольно приятный в общении брюнет с зелеными глазами.

От кресла донесся вздох.

- Понятно... И что дальше? Что все это значит?

Плечи снова едва заметно передернулись.

- Я вам сообщу.

Темная фигура, не попрощавшись, двинулась от окна к двери, а человек в кресле остался сидеть, сердито бормоча что-то себе под нос.

Сегодня все валилось из рук: Кристина едва не разбила любимую чашку с синим котенком и надписью 'Kitty', уронила полотенце в раковину, где стояла жирная сковорода, залитая горячей водой, а когда пришел Вадим и вручил ей букет лилий, то вазу, выскользнувшую из рук, спасла исключительно его реакция. Ставя в воду цветы, Кристина едва не впала в депрессию окончательно: цветков было пять, нечетное количество, однако самих веточек - две, и, хотя она знала, что, к примеру, в японской культуре это считается

романтичным и символизирует пару, настроение заметно подгадилось, вызывая в памяти образ ухоженной могилки.

Чтобы прийти в себя, она оставила гостя в комнате и ушла варить кофе. Кофе, к слову сказать, Кристина и без того всегда варила скверный, а сегодня просто превзошла саму себя. Издевательски шипя, густая темно-коричневая пена побежала на плиту, залив огонь и сразу же пропитав кухню запахом горелого.

- Чтоб тебя... - пробормотала Кристина, чуть не плача, хватаясь за джезvu и отставляя ее на соседнюю конфорку; обжегшись, затрясла рукой, вскрикнула.

- У тебя все в порядке? - донеслось из комнаты. - Может, я помогу?

- Нет-нет! - отозвалась она поспешно, срывая полотенце с крючка. - Все нормально!

Продолжая вполголоса ругать себя, Кристина распахнула форточку, выгоняя полотенцем горький дымок - ветра сегодня не было, и в стоячем летнем воздухе не ощущалось даже крошечного сквозняка. Во дворе было пусто, несмотря на выходные, только соседская кошка развалилась в тени. И еще какой-то ненормальный сидел прямо на солнце - на скамейке у ее подъезда...

И смотрел прямо на ее окно. Когда он, резко отвернувшись, поднялся и нарочито неторопливо направился прочь, Кристина похолодела. Опять он - тот, что следил за ней у метро, кого видела после еще не раз; не скрывается. Почему? Не считает нужным? Может, его присутствие - просто напоминание, лишь намек, чтобы не делала глупостей? или он не может к ней подобраться, или просто пока не получил 'добро' на более активные действия? возможно, она пока все делает правильно, и они сейчас не могут причинить ей вреда...

- Господи, ужас какой.

Кристина вздрогнула от голоса за спиной и едва не вскрикнула, когда почувствовала руки на плечах.

- А говорила, что не нужна помощь, - Вадим наклонился, чмокнув ее в макушку, словно папаша, и ей захотелось вдруг вжаться в него, закрыть глаза и остаться стоять так минуту, пять, час... - Если ты будешь продолжать в том же духе, соседи позвонят в милицию.

- Почему? - почти шепотом спросила она; тот усмехнулся:

- Заявят, что ты проводишь несанкционированные испытания секретного химического оружия. Лучше сядь-ка и не путайся под ногами.

Ноги подогнулись как-то сами собой, Кристине осталось только нашарить позади табуретку и усесться, наблюдая, как гость хозяйничает на ее кухне. Уже через десять минут сковорода оказалась вымыта, кофе с плиты вытерт, джезва отчищена от пригоревшего и наполнена снова, а Вадим, поводя носом, заглядывал в духовку.

- У нас тут утка по-бургундски, насколько позволяют судить мои познания, - констатировал он удовлетворенно. - Остается надеяться, что в остальных областях кулинарного искусства у тебя дела обстоят лучше, и завтра мы оба не угодим в скорую с отравлением крайней степени.

- Ну, ты! - Кристина гордо вздернула голову, нарочито обиженно надувшись. - Я это блюдо готовлю уже лет десять! - и прикусила язык, вспомнив, что, когда она дебютировала на этом поприще, ему как раз лет десять и было; тот, однако, лишь пожал плечами:

- Все в школе десять лет учат математику, а кто ее знает?

Кристина молча запустила в него скомканным полотенцем; Вадим поймал его, засмеявшись, и закрыл духовку.

- Не расстраивайся, у тебя еще все впереди. Я тебя научу готовить.

- Ты - меня?! Вот это наглость!

- Напомни, кто упустил кофе на плиту?

- Просто неудачный день!

- Да-да, - издевательски согласился он. - Конечно... Я видел у тебя на полке фотографию, - продолжал Вадим, разливая кофе по чашкам, - ты там с кошкой. Что-то кошки у тебя дома я не вижу. Это давнее фото, или она просто сбежала от твоей стряпни?.. Господи, что я такого сказал?

Слезы брызнули сами собой - это было последней каплей. Кристина всхлипывала, стараясь не размазывать тушь по щекам, на ходу придумывая что-то про машину и выскочившую на дорогу кошку, а Вадим гладил ее по голове, утешая, как маленькую. Рассказывать правду было бы глупостью - ни один нормальный человек не станет встречаться с женщиной, которая может однажды утром найти свою кошку со свернутой шеей на коврик у двери - уложенной в обувную коробку, с глумливой тщательностью оформленную под маленький гробик, с короткой запиской 'Будь лапой. Верни сама'...

Она выплакалась только минут через десять, напрочь смазав макияж, отчего остатки самообладания улетучились вовсе, и лишь через полчаса, проведя их в ванной наедине с косметичкой, Кристина смогла вернуться к столь скверно прерванному свиданию. Вадим больше не порицал ее кулинарных достоинств, утку хвалил, и, судя по его аппетиту, вряд ли он это делал только для того, чтобы поднять ей настроение и сгладить досадный инцидент. За всей сегодняшней суматохой обед плавно перетек в ужин, и Кристина, косясь на стрелки часов, замершие на половине одиннадцатого, начала размышлять над тем фактом, что, кроме целомудренных чмоков в щечку, никаких притязаний на ее вполне неплохое тело новый ухажер до сих пор не предъявил. Когда ничего, кроме распития все того же кофе, не случилось на первом свидании, это было оригинальным. Когда на втором - интригующим. На третьем Кристина призадумалась. Однако сегодня они

встречались уже в четвертый раз, и для столь молодого человека это казалось, мягко говоря, странным. Если он и сегодня хотя бы не попытается, это должно означать серьезные проблемы либо с физиологией, либо с психикой...

- Однако, - вдруг неопределенно констатировал Вадим, тоже бросив взгляд на часы, и она поняла, что близка к панике. Черт, он что - голубой? Если сейчас он скажет, что ему пора, здесь свершится довольно редкая в уголовной практике разновидность изнасилования. - Однако, - повторил он деловым тоном, - сегодня мыть посуду уже поздно. Но мое джентльменское воспитание не позволяет мне, воспользовавшись гостеприимством, бросить все домашние заботы на слабую женщину, а это означает... что это означает?

- Что тебе придется остаться до утра, - с давно забытой робостью в голосе предположила Кристина.

- Ну, если ты так настаиваешь... - Он поднялся, и от брошенного в упор взгляда она вдруг почувствовала себя голой, а за тон, которым это было сказано, захотелось не то запустить в него тарелкой, не то повиснуть на шее.

- Не понимаю, чем вы занимаетесь, - голос в трубке был явно недоволен, даже одышка стала сильнее обычного.

Он закурил, глядя в окно, занавешенное шторой

- Тем, что мне поручили.

- Я не поручал вам резать кошек! Что вы там вытворяете! Что за игры в Коза Ностру?!

- Я дам вам то, что вам нужно.

- Когда?! - сорвалась на крик трубка. - Просто возьмите эту сучку за шкуру и вытрясите из нее мою...

- Я не лезу в ваш бизнес, верно? - холодно осведомился он, и голос в трубке осекся.

- Что?..

- Я не лезу в ваш бизнес, - повторил он терпеливо. - Не лезьте и вы в мою работу.

- Я просто хочу знать, что происходит, - смягчился тот; он перебил:

- Происходит психологическая обработка. Вам знакомо такое слово? Упомянутая вами кошка для одинокой женщины - почти как ребенок. Ее гибель сама по себе удар. Она лишилась питомца, и, каким бы смешным вам это ни показалось, для нее это шок. Она осталась одна. Потеряла предмет привязанности. Теперь этим предметом стал новый парень. У нее есть *только* он. Что вам еще объяснять?

- И? Что это значит? Это, в конце концов, меня тоже касается! Это вообще меня касается в первую очередь! Я не понимаю, что...

- Мне был дан заказ, и я его выполню, - перебил он теперь уже сухо и резко. - Что же до вас, то вот уж понимания от вас точно не требуется.

Трубку он положил, не прощаясь. Беспокойные клиенты - едва ли не самая неприятная часть работы...

Кристина была уверена, что состояние, когда всё вокруг, как в тумане, а минуты и часы, даже дни, летят, как мгновения, осталось в далекой юности, однако последняя неделя показала, что она ошибалась. Дело было даже не в цветах, которые дарились каждый день, и не в завтраках в постели, и даже не в том, что в этой постели происходило *до* завтрака, а в том, что всегда, каждую секунду, человек рядом с ней оправдывал ее ожидания. Вадим бывал невозможно домашним, когда она пыталась заняться чем-то на кухне, и в конце концов Кристина оказывалась снова усаженной на табуретку у стола и наблюдающей за тем, как в ее доме хозяйничает он. Когда подобное времяпрепровождение ей надоедало, как-то само собой поле деятельности

перемещалось в спальню; и никогда эти ухаживания не отдавали назойливостью. Дня через четыре, осмелев, она высказала пожелание побывать в его квартире.

Собственно, она не ждала, что Вадим пригласит ее к себе. Кристина была готова к уклончивому отказу, ибо была уверена, что он живет либо в общежитии, либо с родителями, либо вообще женат (таких ухаживаний просто не бывает, так себя ведут только с любовницей!)... Однако тот лишь кивнул, как на нечто само собой разумеющееся, и следующим вечером они ужинали в однокомнатной квартире дома в спальном районе.

Пока Вадим разбирал на кухне накопленное по пути, она ходила вдоль стен, осматривая шкафы с книгами, придирчиво разглядывая полки и фотографии. Фотографий было довольно много, почти два десятка, в рамках и просто прислоненных к корешкам книг, и все до единой изображали ее новое приобретение в полевом камуфляже - с автоматом у шлагбаума, с автоматом в обнимку с бритым парнем тех же лет; с ног до головы обвешанного оружием на фоне гор, на фоне кирпичной стены, на фоне листвы, на фоне вертолета... Кристина вспомнила вдруг, что на груди, на плече и еще в паре мест у него есть несколько шрамов - круглых, похожих на маленькие солнышки; до сих пор она не спрашивала, что это и откуда, но теперь поняла - это следы от пуль. А фотографии, в свете происходящего сейчас в стране, сняты в Чечне. Больше нигде.

Вот в этом и дело, поняла Кристина вдруг. Вот и объяснение тому, что молодой парень настолько старше себя самого. Если вернулся, если вернулся в своем уме и безо всяких синдромов, то наследство от боев и ран - ранняя взрослость. Если заглянуть в него поглубже, то, быть может, она со своими тремя десятками прожитых в мирной Москве лет - девчонка, каковой временами и ощущает себя рядом с ним...

Кристина остановилась у снимка, где Вадим с подвешенной на бинте рукой хмуро смотрел на фотографа - и столько было в этом взгляде усталости, что захотелось убить того, кто достает смертельно вымотанного человека со своими 'еще один, на память!' или что там ему сказали, когда поставили перед фотоаппаратом.

- Ужин готовится.

К тому, что он ходит почти неслышно, Кристина так и не привыкла, и опять вздрогнула от голоса позади себя. Вадим, проследив ее взгляд, тяжело вздохнул и подошел ближе, тоже глядя на фотографию.

- Это уже перед самой отправкой домой. Часто потом думал - чуть бы в сторону, и все, в последний день шлепнули бы. Обиднее только быть сбитым уже по пути в Россию.

- А ты не говорил, что служил... там.

- А ты не спрашивала, - улыбнулся он, обхватив ее за плечи рукой. - К тому же, зная отношение к бывшим 'чеченцам' среди нашего народонаселения, уstraшенного фильмом о Рембо, предпочел оставить данную информацию для более удобного момента. Во избежание давления стереотипов, знаешь ли.

- Так ты не медик? - уточнила Кристина, еще сама не понимая, с разочарованием или нет.

- Я и не говорил, что медик. Просто там все становятся медиками в той или иной степени, после пары-другой перевязок.

- Ты сказал 'почти', - пробормотала Кристина. - Я думала - ты учишься. А ты... вот.

Вадим ответил не сразу - несколько секунд он стоял неподвижно, молча глядя на самого себя, потом вздохнул, убрал руку и направившись на кухню.

- Ну, прости, что не оказался пластическим хирургом.

Кристина осталась в комнате - в полной тишине и одиночестве, постепенно соображая, что сейчас одной своей фразой разрушила все, что было до этой минуты - вечера, ночи, дни; именно того, что Вадим от нее услышал, он и боялся. И сейчас она показала ему, что не зря...

- Дура... - пробормотала Кристина почти с отчаянием и бросилась на кухню.

Он стоял у окна, упираясь кулаками в подоконник, мрачно глядя на улицу поверх крыш, и на ее шаги не обернулся.

- Я дура, - повторила она уже вслух, подойдя и обняв его обеими руками. - Я полная дура, Вадюша. Прости. Я не то хотела сказать, понимаешь?.. Я сама не понимаю, что я хотела сказать, но мне совершенно наплевать, кем ты работаешь... или служишь - так правильно?.. на это мне тоже наплевать... То есть, нет, я опять не то говорю. Это наоборот хорошо, ты гордиться должен. И я тобой гордиться буду...

- Если ты меня сейчас не отпустишь, - не меня положения, ответил тот, - мы оба будем гордиться горелым рагу. Ты любишь горелое рагу?

- Нет, - готовясь уже заплакать, замотала головой Кристина. - Я тебя люблю.

Она даже не успела как следует испугаться того, что ляпнула такое человеку, с которым знакома чуть больше недели, что сейчас будет тягостный разговор на тему взаимоотношений полов, необязательности обязательств и прочего; Кристина услышала, как он усмехнулся, и задержала дыхание.

- А я тебя, - ответил он и отстранил ее руки. - Но рагу все равно вкуснее без углей. Пусти.

- Не злись, - попросила Кристина.

- Не буду, - пообещал тот, доставая тарелки. - Собственно, стать медиком мне еще не поздно. Поскольку нигде я уже не служу, могу пойти учиться. Если

тебе так больше нравится, то - на медика.

- Ну, не надо...

- Надо-надо. Теперь я тебе это до конца наших дней буду поминать...

Садись к столу.

Ужин прошел не так, как всегда - Кристина чувствовала себя не в своей тарелке и от их первой размолвки, и от этого сумбурного признания, и особенно от 'конца наших дней', что вообще звучало как обещание. Свою вину после ужина она заглаживала, как школьница, пылко и страстно, и кажется, преуспела. По крайней мере, уже через час не казалось, что Вадим выглядит расстроенным.

- Ты не злишься? - рискнула уточнить она, нарушив дольше обычного затянувшееся молчание.

- Нет.

- Точно?

- Совершенно. Забудем просто об этом разговоре.

- Я хочу искупить свою вину.

Он покосился в ее сторону, нарочито испуганно вздернув брови:

- Как - опять?

- Нет, - облегченно засмеялась Кристина. - Не сейчас, отдыхай, не бойся.

Просто... Понимаешь, у меня скоро день рождения. Точнее сказать - в субботу.

- Так... - он зашевелил губами, подсчитывая дни, и посмотрел на нее почти обиженно. - Почему ты не сказала мне заранее? Как можно найти подарок для женщины за два дня? Эта миссия как раз из невыполнимых.

- Не нужен мне подарок. Мой самый лучший подарок - ты. Это все, что мне нужно. А если ты уедешь со мной на дачу на все выходные, это будет пределом мечтаний... - Кристина подумала несколько секунд и уточнила: - На данный

момент.

- Конечно, я уеду, - просто согласился он. - Когда?

- В пятницу вечером. Вместе со своим новым парнем.

- Нам это как-то поможет? Вы что-то придумали, наконец?

Еле заметное движение плечом.

- Да. Мне нужен кто-нибудь из ваших людей. С оружием. Попроворнее. Но кого вам не жаль в случае чего. Уточняю - *не жаль*. Есть такие?

- Вы что - хотите сказать, что вам нужен хороший материал, но такой, чтобы его можно было...

- Уничтожить.

- Уничтожить? Уничтожить?! То есть - попросту убить? А вы не мало запросили? Вам мою 'Тойоту' бомбой не заправить?

- Вам это нужно. Не мне. Так что?

Вадим появился на пороге ее квартиры в пятницу днем и широко улыбнулся:

- Едем? Я полностью упакован.

- О, Господи... - Кристина с ужасом уставилась на две огромные сумки, стоящие рядом с ним. - Что это? Мы ведь всего на два дня!

- Ничего. С твоими-то аппетитами.

- С моими?!

- Ну, хорошо - с моими. Там я растолстею, и ты меня бросишь.

- И не надейся.

Она выставила свою сумку, зашнуровала кроссовки, осмотрелась - не забыла ли чего, все ли выключила - и, выйдя, заперла дверь. Вадим уже стоял,

перевесив ремень ее сумки через плечо и глядя ожидающе. Кристина вспыхнула.

- Вадюша, ты что! Дай сюда. Ты и так нагружен.

- Мне не тяжело, забудь. Доводилось таскать и тяжелее. Идем.

Спускаясь по лестнице, Кристина смотрела в спину перед собой, вспоминая фотографию человека с автоматом и бинтованной рукой и - того парнишку, который остановил ее у метро. Если бы она не знала его лично, просто нельзя было бы поверить в то, что это один и тот же человек. Эти желто-зеленые смеющиеся глаза - она никак не могла представить их холодно прищуренными, лоящими в прицел человека. Скольких он убил, там, на войне?..

Странно, но при мысли об этом Кристина не испытала никакого ужаса. Возможно, все дело в том, что до сих пор ее знакомство с мужской половиной человечества ограничивалось бухгалтерами, менеджерами, в самом лучшем (или худшем?..) случае - владельцами фирм, связанными с криминалом. Парадокс ситуации заключался в том, что этот двадцатилетний мальчишка больше всех из многих ее знакомых подходил под определение 'настоящий мужчина'...

У метро Вадим притормозил возле традиционной хохлушки с огромными традиционными алюминиевыми вазами и, прежде чем Кристина успела возразить, купил букет георгинов. Георгины она ненавидела, но это значения не имело - имел значение тот факт, что ни разу (ни разу!) он не пришел на свидание без цветов.

- Господи, ну, сейчас-то зачем... - пробормотала она, чувствуя, что все на них смотрят - на Вадима, обвешанного сумками, и на нее - только с букетом цветов в руках.

- С наступающим, - бросил он улыбку через плечо, ускоряя шаг. - Не отставай.

Его последних слов Кристина почти не расслышала - так зашумела кровь в висках.

Снова. Это снова был он, тот, что сидел у ее подъезда. Тот, что следил за ней - постоянно, неотступно, кажется, что - вечно. И это он, наверняка он убил ее кошку. Вот этими руками сломал шею беззащитному животному...

- Кристи... - Вадим стоял рядом и смотрел по направлению ее взгляда. - Что такое? В чем дело?

- Ни в чем... - пробормотала она машинально, пытаясь улыбнуться, но улыбка не получилась, искривив губы в страдальческой гримасе. Тот уже скрылся в толпе, а Кристина все смотрела туда, где он только что был.

- Так. - Вадим поставил сумки на асфальт там, где стоял, посреди тротуара, и почти насильно поднял к себе ее лицо. - Говори, в чем дело. Не считай меня болваном. Все время ты кого-то ждешь, когда мы на улицах, высматриваешь среди окружающих нас людей, ты всегда на нервах. Когда звонит телефон, ты боишься отвечать. Когда звонят в дверь, ты вздрагиваешь. Иногда на улице ты смотришь на кого-то... На кого? За тобой следят? Тебе угрожают?

- Нет... Вадюша, поедem... - Кристина наклонилась, взявшись за ремень сумки; тот вырвал его у нее из пальцев почти грубо.

- Никуда мы не поедem, пока я не узнаю, в чем дело. Это кто-то из твоих бывших? Кто-то, от кого ты ушла?

Кристина засмеялась - нервно и болезненно. Если бы... Она многое бы отдала за то, чтобы посмотреть на стычку сумасшедшего менеджера с Вадимом. Если бы все было так просто...

- Вадюша, прошу тебя, поедem...

- Снова недоверие? - голос у него похолодел; кто-то из прохожих, наткнувшись на него, пробормотал что-то, и Вадим, обернувшись ему вслед, почти рявкнул: - Смотри, куда прешь!

- Господи, ну, ты что... - Кристина чувствовала, что еще минута - и она опять расплачется. - Не в этом дело, что ты...

- Тогда в чем?

- Господи, просто давай не будем сейчас об этом, среди улицы, в толпе, посреди Москвы! Не нужно тебе это. Просто не нужно, поверь, я сама со всем разберусь, я...

- Можно я сам решу, что мне нужно? Говори, в чем дело. Если у тебя проблемы, их должен решать я.

- Вадюша, милый, ничего романтичнее я в жизни не слышала, но поверь мне, это тебя не касается... То есть, нет, не так; я сама разберусь... Если у меня будут серьезные неприятности, я расскажу тебе. Честное слово. Сама, первая же попрошу помощи, клянусь. А теперь - поедем, пожалуйста. Я тебя очень прошу.

Он молча посмотрел в толпу - туда, где скрылся ее преследователь, потом на ее лицо, себе под ноги и, наконец, взялся за сумки.

- Хорошо. Идем, - согласился Вадим коротко и улыбнулся - Кристину едва не перекорежило, когда она увидела, насколько через силу это было сделано. - Но тебе придется многое объяснить.

- Потом. Обязательно, только потом. Ладно?

- Идем, - повторил он, ускоряя шаг. - Упустим электричку, встретим твой день рождения в привокзальной шашлычной.

На электричку они успели - правда, бегом. Кристина еле поспевала за обвешанным сумками Вадимом и была уверена, что, не придерживая он шага, то непременно отстала бы; последние метров десять до дверей электрички он почти тащил ее за собой свободной рукой. На сиденье она плюхнулась

запыхавшейся, а Вадим остался стоять, уступив место какой-то старушке с хозяйственной тележкой. С одной стороны, сидеть почти полчаса ей хотелось рядом с ним, а не со всякими старушками, но с другой - это в очередной раз подтвердило уникальность ее избранника, принадлежащего к вымирающей породе джентльменов. К тому же некоторая дистанция между ними пресекала любые попытки продолжить начатый в Москве разговор...

На станции, кроме них, сошли всего три человека - два облома из соседнего вагона (явно 'к дружбану' приехали - 'чисто оторваться' с пивом и шашлыками на выходных) и та самая старушка с сумкой. Обломы укатили в подобравшей их черной, как катафалк, машине, старушка пошлепала пешком; Вадим, не сбавляя шага, обогнал ее и бодро потопал по тропинке.

- Господи, ты когда-нибудь устаешь? - жалобно простионала Кристина, стараясь не отставать.

- Бывает.

- Это ты на походах по горам натренировался?

- Нет, - на этот раз улыбка была настоящей, и у Кристины отлегло от сердца. - Раньше. Кстати, это называется не 'поход', а 'марш'. Так вот в армии - народная солдатская забава называется 'марш-бросок с водной переправой'. С рюкзаком песка.

- Но песок мокнет в воде и тяжелеет!

- Так в том и штука. Еще далеко?

- Устал? - с надеждой спросила Кристина; он усмехнулся:

- Нет. На тебя смотреть больно.

До дачи они добрались через полчаса, хотя обычно на дорогу у нее уходило минут сорок пять, а то и час. Войдя в комнату первого этажа, Кристина бухнулась на диван и откинулась на спинку.

- Как у меня ноги гудят... Брось ты эти сумки, ради Христа, сядь!

- Лентяйка. Ладно, бог с тобой. Я сам разберу. Где кухня?

Поужинали они уже в темноте и завалились спать. Больше ни о чем Вадим не спрашивал, не косился, намекая, что им есть о чем поговорить, и Кристина была благодарна ему за терпение. Она еще сама не знала, стоит ли ему быть в курсе всех ее несчастий, сможет ли она разрешить их без посторонней помощи, или действительно 'ее проблемы будет решать он'. Вот только как? Или как раз он и сможет придумать что-то, чего ей в голову не пришло?

Она заснула с этими невеселыми мыслями; ночью снился темный подвал, в котором она бродит без фонарика. Страшно не было, но жутко раздражало то, что никак не получалось нащарить в темноте что-то, что она там потеряла. Когда Кристина вынырнула из этой вязкой мути, был уже почти час дня.

Внизу, когда она спустилась, Вадим ставил на стол бутылку с шампанским. На столе уже громоздились тарелки, бокалы и бутылки с вином. Увидев ее, он улыбнулся.

- Рановато. Тебе бы спуститься минут на десять попозже. Застукала.

Кристина обхватила его за шею, прильнув к губам.

- Какое же ты солнышко, Вадюша...

- С днем рождения.

- Рано, - засмеялась она. - Я родилась в одиннадцать вечера.

- Ясно, - пожал плечами он, делая вид, что собирается унести шампанское.

- Эй, поставь! - Кристина перехватила его руку и со стуком опустила тяжелую бутылку обратно. - Я сейчас буду настраиваться - рождение очень тяжелое занятие. Так что - я приведу себя в божеский вид и буду готова.

Одевалась Кристина, приплясывая перед зеркалом и напевая. Ночной бред выветрился, и она была почти счастлива. Почти. Если б только не *тот*, если б не вполне реальная возможность не дожить до следующего дня рождения; и если б сегодня исполнялось лет этак на девять меньше...

- Хватит, - строго сказала Кристина отражению и расправила плечи. - Прекрасная женщина. Отличные выходные. Замечательный парень, а там посмотрим. Подумаем об остальном завтра. Пошла? Пошла.

Когда она спустилась, Вадим стоял у стола в серой рубашке, и на секунду он сам показался каким-то потусторонним и серым, как привидение; даже в лице промелькнуло что-то отстраненное. 'Злитесь, - констатировала про себя Кристина, подходя ближе. - Обиделся'. Все-таки, вчерашнего разговора он не забыл, да и глупо было бы на это надеяться; он не забыл и явно хотел его продолжить, но, похоже, решил не портить праздник...

- Ты - это что-то... - вздохнула Кристина, обняв его и прижавшись щекой к плечу. Очень хотелось сказать что-то приятное, но она смогла только повторить: - Ты - это что-то...

- Брось, - по голосу было слышно, что он улыбается, и его рука мягко погладила Кристину по волосам. - Это я должен говорить тебе комплименты и расписывать твои достоинства - день рождения, кажется, у тебя?

- Нахваливай, - кивнула она. - Я не против.

- Тогда давай к столу. Я буду произносить пышные тосты, в которые искусным языком тамады вплету рассказы о твоих совершенствах... Садись.

От проведенной в автомобиле ночи ломило спину, от пистолета, который все это время проторчал в наплечной кобуре, ныли ребра. К тому же солнце палило нещадно, а он забыл бутылку с водой в машине. Возвращаться он не хотел, чтобы ничего не пропустить, хотя воротник футболки, прилипший к шее, казалось, уже начал его душить. Когда он увидел, с каким блаженным выражением лиц эта парочка пьет искристое холодное шампанское, чуть не закрипел зубами, а бинокль в руках показался пудовой гирей.

Через два-три часа погода радикально переменилась. Было всего только около девяти, а вокруг стустились такие сумерки, словно вот так, за минуты, внезапно настал октябрь. Над головой собрались тучи, и взмокшая было спина начала покрываться мурашками. Если сейчас еще и дождь, подумал он зло, застрелюсь к чертовой матери. Помощнички-то, если что, спрячутся в машине, а он?

Зашипев от очередного дуновения почти уже холодного ветерка, он вздохнул и снова поднес бинокль к глазам.

... Они выпили шампанского, потом вина, съели подчистую заливное, потом танцевали при приглушенном свете, когда вдруг собрались тучи и вокруг потемнело, потом снова пили вино, и голова у Кристины мягко кружилась - от выпитого, от поцелуев, оттого, что сегодня все было сказочно, беспредельно хорошо, и все остальное просто забылось...

- Хочу без света и у камина! - потребовала она, берясь за следующий бокал.

- У меня настоящий камин, между прочим. Хочу!

Вадим насмешливо поклонился.

- Желание хозяйки - закон! Где дрова?

- А дрова, мой милый, надо еще нарубить! - лукаво сощурилась Кристина и тут же испугалась, что начинает перегибать палку.

Вадим, однако, лишь пожал плечами и стал снимать рубашку.

- Пять минут. Подождешь?

Она покраснела.

- Не надо, что ты... я так, просто...

- Да брось. Это недолго. Камин - в самом деле неплохая идея.

Когда он вышел, Кристина покосилась в зеркало, проверяя сохранность боевой раскраски; кажется, не смазалось. Раздурманилась... Она прикрыла глаза и поняла, что еще немного - и начнется пьяное буйство. Она вообще относилась к тому типу людей, про которых говорят 'не умеет пить', и сегодняшняя доза, дозволенная себе по случаю праздника, мягко вела голову...

Когда за окном возникла какая-то суматоха, Кристина даже не сразу услышала это, а когда услышала, еще долго не могла понять, в чем дело. Снаружи донесся странный звук - что-то вроде хлопка пробки, потом Вадим чертыхнулся, загремели осыпавшиеся с поленицы дрова, зашуршала трава, словно кто-то куда-то побежал.

- Что там? - испуганно вскрикнула она, подходя к двери. - Вадюша, что...

- Сиди внутри! - рявкнул он. - Не лезь!

У Кристины свело желудок. Вот и все. Вот они и перешли к активным действиям - им просто надоело ждать, когда она образумится. Или просто выбрали, наконец, удобное место - одинокая дача, ни души вокруг, и только они двое с Вадимом...

Звук повторился, а потом ветки малины хрястнули и все продолжали хрустеть и ломаться, со стороны малинника донесся полузадушенный хрип, а через минуту все стихло. Кристина попятилась к дивану, по дороге схватив со стола нож, и забилась в угол. Потом вскочила и кинулась к двери, остановившись сбоку. Сердце колотилось, как бешеное, а глаза жгли слезы. Добрались, все-таки добрались... и Вадик, Вадюша, что там с ним?.. Что с ним еще может быть, дура, крикнула она сама себе. Что с ним может быть, если ты ни о чем его не предупредила, ничего не объяснила, если не дала ему даже шанса! Если, считай, сама и убила его!

Зазвучали шаги - от малинника к двери, уверенные и ни на секунду не медлящие, все ближе и ближе, и когда дверь открылась, Кристина кинулась к

вошедшему, пытаясь ударить в шею. Тот перехватил ее запястье, и она увидела Вадима - живого и здорового, только плечи и руки были исцарапаны малиной, а над локтем расплылся огромный багровый синяк.

- Господи... - задыхаясь вскрикнула она, обмякнув. - Я же тебя... чуть не...

- Ну-ну, перестань... - Вадим подхватил ее вялое тело на руки и понес к дивану; усадил, сел рядом, поглаживая по растрепавшимся волосам. - Теперь все...

- Они не меня, они тебя убить хотели! - почти крикнула она. - Понимаешь, они тебя убить пришли, чтобы меня припугнуть! Они и кошку мою убили, не машина ее сбила, это они ее убили, а теперь...

- А теперь - тихо. - Вадим пересел поближе, но ее отодвинул от себя, глядя в лицо жестко и требовательно. - Успокойся. И теперь уж точно тебе придется рассказать мне, что происходит. Сейчас же. Кто они? Во что ты ввязалась?

- Нет, не надо тебе знать, просто бросай меня к черту и беги отсюда! Или с жизнью распрощаешься! Беги!

- Я не бегаю, - ответил он тихо. - А теперь рассказывай.

- Тебе с этим не справиться!

- Ты меня плохо знаешь, Кристи. И они меня плохо знают. Один уже в этом убедился. И следующий желающий отправится за ним.

Кристина ошарашенно замерла, глядя на него со страхом и изумлением.

- Ты... - вскрикнув, она утерла глаза рукавом и почти шепотом договорила:
- ты что - убил его?..

- А что мне было делать? - Вадим передернул плечами так спокойно, что ей стало не по себе, и вспомнилось, как она представляла эти глаза убивающими... Пожалуй, сейчас это не казалось таким уж невозможным. - Он в меня стрелял.

- Но как же ты... как... жив еще?

- Я же сказал - они меня плохо знают.

Кристина выпрямилась и спустила ноги с дивана.

- Я хочу на него посмотреть.

Вадим чуть заметно поморщился.

- Не думаю, что тебе надо на это смотреть. Ничего приятного.

- Ты уверен, что он не встанет?

Он хмыкнул - так, что между лопатками пробежал холодок.

- Более чем.

- Я хочу видеть, - сама не зная, зачем, повторила Кристина.

Вадим вздохнул, поднялся и подал ей руку, придерживая за локоть. До тела в малиннике она шла, спотыкаясь и озираясь вокруг, в любую секунду ожидая выстрела и не понимая, зачем настояла на своем.

Среди изломанных кустов лежал один из тех, кого она видела на платформе - один из двоих обломов, которых она приняла за обычных дачных отдыхающих. Земля, ветви, листья и само тело были в крови, а вместо лица над шейей было что-то, похожее на сломанную половинку арбуза.

- Боже мой... - Кристина прижала ладонь к губам, сдерживая тошноту, и отвернулась, закрыв глаза. - Почему он такой... странное лицо...

- Потому что моим единственным оружием был топор, и пришлось действовать по ситуации. Лезвие прошло далеко... тебе не надо все это видеть и слышать, Кристи, пойдем обратно. Ты убедилась, что *это* не встанет?

Кристина обняла его, почти повиснув безвольно, и ладонь ощутила что-то ребристое и холодное за поясом джинсов на спине. Вздогнув, она вскинула к Вадиму испуганные глаза:

- Зачем ты взял это?

- Я так полагаю, что еще есть вероятность визита подобных гостей. Я больше не хочу быть безоружным при этом. Пойдем в дом, - уже почти приказал он, и Кристина послушно поплелась обратно.

Вернувшись, она упала на диван и закрыла лицо руками. Повезло. Просто повезло. Повезло, что тот не попал в Вадима, что у него появилась возможность защитить себя... И ее? Возможно, это уже не акция устрашения, и они действительно решили просто убить их обоих?..

- Господи, когда же это все кончится... - прошептала она обреченно. - Это никогда не кончится...

Вадим прошел к столу, взял из кармана висящей на стуле рубашки сигарету, закурил и вернулся к ней с бокалом, доверху наполненным вином.

- Пей, - непререкаемым тоном велел он, и Кристина покорно проглотила все до капли, едва не подавившись. - А теперь говори. Я жду.

- Он... он хотел убить тебя...

- Об этом, знаешь ли, я уже догадался. Выкладывай, почему.

Таким тоном Вадим никогда еще с ней не говорил, и Кристина даже перестала всхлипывать.

- Я... - стараясь объясняться связно, пробормотала она, - я... я референт... ну, секретарша, если проще...

- Я знаю, что такое референт, - ледяным тоном перебил он. - Дальше.

- Прости... у нас вечер был, вечеринка для сотрудников - приличная, дорогая, с оператором, и все записали на кассету... Было... было весело... - она опять всхлипнула, но тут же подобралась и продолжила: - А мне запись не дали - шеф сказал, что это он для себя писал... и унес в кабинет, поставил там у себя... А я подумала - что ж такое, я же тоже там... ну, и... и потихоньку к нему вошла, когда он отлучился, и кассету взяла, чтобы дома переписать и обратно поставить...

Кристина уронила голову на руки, растеряв остатки самообладания вдруг и напрочь, больше не имея сил связать ни слова, и зашлась в плаче. Голова снова кружилась, только теперь не от вина и счастья, а от бессилия и страха, от мертвого, беспросветного отчаяния. Вадим затушил сигарету и тут же взял новую.

- Дальше, - велел он, щелкая зажигалкой.

- Я кассеты... - сквозь слезы выдавила Кристина, - кассеты... перепутала... Там тоже вечер был какой-то, только не наш, а с какими-то шлюхами, и шеф мой там же... и мужик еще какой-то... Я потом поняла - это они с каким-то бандитом были, а я даже не знаю, с каким... и о чем там говорили, не понимаю... А обратно я поставить не смогла...

- Значит, все это - из-за кассеты, на которой есть запись, доказывающая связь твоего начальника с криминалом, - подытожил Вадим.

- Да! - почти простонала Кристина. - Я утром на работу собиралась, а тут он звонит - кассету, говорит, сучка, принеси обратно, а если к ментам отнесешь, я тебя... закопаю... я пыталась отнекиваться, а он... он... говорит - у меня камера в кабинете стоит, не отпирайся, я все видел... и... и...

- Ясно, - процедил Вадим.

- За мной следят, все время следят, я все время вижу, как за мной следят! Они - это страшно! Понимаешь?! Они убьют нас...

- Ну, это мы еще посмотрим. Пока у них не слишком хорошо получается. Кассета в милиции?

Кристина испуганно вскинула голову:

- Да ты что! Я бы им ее вернула, правда, но они же все равно убьют, а мне эта кассета ни к черту не нужна! Я и к ментам боюсь, и им отдать боюсь, я всего боюсь!.. - она вытерла глаза и посмотрела в потемневшее лицо. - Вадюша, ты прости меня, дуру, что я тебе сразу не сказала, с кем связался...

- Я с кем надо связался, - отрезал тот, глубоко затаившись, и криво улыбнулся: - Главное теперь - успокойся, поняла? Считай, что теперь у тебя есть телохранитель, который от тебя ни на шаг.

- Толку-то... - пробормотала она чуть слышно, однако от его улыбки стало немного легче. - Это так просто не кончится, ты понимаешь? Вечно бегать я не смогу...

- Мы не сможем, - уточнил он, раздавив окурок в пепельнице. - Но я и не собираюсь.

Кристина замотала головой, страдальчески всхлипнув:

- Ты ничего не сможешь сделать...

- Я не смогу, - согласился Вадим, - но сможет наша система.

- Что?.. - растерянно переспросила Кристина, перестав что-либо понимать; он тяжело вздохнул, подошел к дивану и сел рядом, взяв ее за руки.

- В милицию кассету относить нельзя, - медленно, как слабоумной, пояснил Вадим. - Это ты сделала правильно. Даже если никто из них не куплен, что вряд ли, ты знаешь, как они работают.

- Знаю...

- Молодец. Но есть шанс защититься иначе. Надо отнести запись на телевидение - отдать нескольким каналам, в несколько программ, в газеты - тоже в несколько, а после этого (только после этого!) оригинал отдать прямо в прокуратуру. Не в отделение милиции, а в Генеральную прокуратуру. Я имел дело с прокурорскими и знаю, что говорю. Твой шеф - не такого полета птица, чтобы иметь покровителей и там тоже. А статистика по раскрываемости им все еще нужна.

- Кто нужен? - растерянно хлопнула глазами Кристина; тот посмотрел на нее, как на убогую.

- Им нужно определенное количество раскрытых убийств, краж и преступных группировок в квартал.

Она всхлипнула снова, закрыв глаза, и ткнулась лицом Вадиму в плечо.

- Прости, я слабо соображаю... у меня голова кругом... И мне не нравится все это, я не знаю, это как-то... нереально...

- Предоставь с этим разобраться мне. Или моему опыту ты не доверяешь?

- Что ты, что ты, Господи! - Кристина вдруг испугалась того, что он просто скажет 'как знаешь', развернется и уйдет; ни один нормальный человек не станет спасать дуру, которая упирается и отбивается от него, постоянно упрекая и придираясь. - Я... я все сделаю, как надо, как скажешь! У меня же в... в *этом*... вообще опыта никакого...

- Хорошо. - Он поднялся, прикрыв глаза и потирая лоб ладонью в задумчивости. - Итак. Первое. Сколько копий ты сделала?

- Да ни одной, ты что! - испуганно пробормотала Кристина. - Я и с этой-то не знаю, куда деваться!

- Зря. Надо сделать - штук пять, лучше шесть. А вот оригинал надо спрятать так надежно, как только сможем. Ты уверена, что эта кассета вообще еще цела?

- Да, конечно, - Кристина вскочила с дивана, бросившись на кухню. Вадим пошел следом. - Я ее дома оставлять побоялась, мало ли... - она опустилась на пол у тумбочки, засунула руку под днище, потом подошла и брезгливо сунула кассету ему. - Вот. Вадюша, Господи, неужели ты правда думаешь, что получится?

Он кивнул, ободряюще приобняв за плечи, и направился к видеомэгнитофону в комнате. Вставив кассету, нажал пуск и некоторое время, гадливо скривившись, наблюдал за происходящим.

- Выключи, ради всего святого, - жалко попросила Кристина, теребя его за локоть, - выключи, пожалуйста, я уже видеть этого не могу, выключи!

Вадим отключил воспроизведение, отвернулся от магнитофона и обнял Кристину, прижав к себе.

- Теперь успокойся. Все будет нормально. Теперь все нормально... Боже ты мой, как же тебя трясет... Ну-ка сядь.

Он усадил Кристину снова на диван, поцеловал в лоб.

- Сиди. Я сейчас.

Вадим взбежал наверх, и минуту она сидела вся поджавшись, оглядываясь на окна и прислушиваясь. Ведь где-то был второй, и времени прошло уже достаточно для того, чтобы оправиться от их неудачной попытки и решиться на следующую. И тишина за окнами, нарушаемая только стрекотом сверчков, успокаивала слабо.

Вернувшись, Вадим взял ее за руку, раскрыв ладонь, и высыпал несколько таблеток, сунув в другую руку стакан с соком.

- Выпей, - велел он строго. - Все сразу выпей и соком запей. Через минуту-другую немного придешь в себя.

- Что это?

- Просто очень хорошее успокоительное; я его пил сам когда-то. Там, - он неопределенно кивнул куда-то назад. - Меня после боев тоже поначалу трясло, так что... Просто пей. Это не наркотик, не бойся. И не снотворное.

Кристина выпила, сморщившись, стуча зубами о стекло стакана, проглотила сок и откинулась на спинку дивана.

- Молодец. - Вадим поставил стакан на пол и отошел к столу. - Дыши глубже.

- Мне уже легче... - тихо сказала она, закрывая глаза. - И сердце уже так не колотится... А зачем ты их с собой таскаешь?

Он передернул плечами, усмехнувшись.

- На всякий случай. Например, попадетя взволнованная девица... Не беспокойся, твой избранник не наркоман. Вина не предлагаю.

- Нет, нет, я знаю - нельзя с успокоительным... Ты пей, если хочешь, я не обижусь, что в одиночку... а я прилягу пока, голова кружится...

Вадим оглянулся, проследил, как она ложится, вытянув ноги, прикурил и, отвернувшись, отхлебнул вина.

- Ой... - донеслось вдруг из-за диванной спинки. - Ой... Вадюша, у меня все тело как будто онемело...

Он молча затаился, глядя в окно, долил в бокал красного вина. Кристина судорожно вздохнула, попытавшись подняться, и закрыла глаза от навалившейся слабости.

- Пожалуйста, подойди, ты где? - еле шевеля языком, выговорила она.

Вадим затаился снова, выпустив струйку дыма в потолок, и, пристроив сигарету в пепельницу, стал надевать рубашку.

- Я пошевелиться не могу, пожалуйста, подойди ко мне... - уже почти прошептал испуганный голос. - Я же слышу - ты тут...

Он не обернулся; достав мобильный телефон, набрал номер и коротко бросил в трубку:

- Подходи.

- Вадим... - голос у Кристины стал слабым, как шелест. - Господи, со мной что-то... я дышать не могу, и голова кружится... что...

Она хрипло вдохнула, с трудом проталкивая воздух сквозь вдруг сжавшееся горло. Тот молча взял пепельницу, рюмку с водкой и зашагал к дивану.

- Ва... а...

Кристина смотрела в потолок широко раскрытыми глазами, ловила воздух побелевшим ртом; когда он приблизился, взгляд был полон паники.

- Ты... - чуть слышно вырвалось. - Ты...

Вадим смотрел на нее сверху вниз с бесстрастным лицом, и Кристина вдруг с ужасом увидела, какие холодные на самом деле у него глаза - ледяные, нечеловеческие, и лицо, это лицо было совсем чужое... И это не лицо двадцатилетнего дембелька; это взрослый человек, теперь было видно, ясно, как день, этот мальчишка - взрослый мужчина, может даже, старше нее, и просто невозможно было поверить, что она хоть на минуту могла допустить обратное. 'Трясло после боев' - его? Невозможно; ведь это лед, просто кусок льда, не человек... И взгляд, Господи, что за взгляд... Как можно было хотя бы вообразить эти страшные глаза смеющимися, ласковыми, хотя бы просто участливыми; ей ли недавно казалось, что они не могут убить? Убить...

Не может быть. Просто не может быть. Не он. Не ее. Не может быть. Она просто чего-то не понимает...

Вадим наклонился, бросил наполненную водкой рюмку на ковер и положил сверху недокуренную сигарету. В тумане, застилавшем глаза, Кристина увидела, как постепенно начинает тлеть и загораться синтетический ковер, пропитавшийся спиртным. Этого не может быть, подумала она снова, не имея сил шевельнуться, хотя бы просто крикнуть. Не может быть.

Второй виденный ею на платформе облом вошел в дверь через минуту - вошел, озираясь и сунув брови, недоуменно глядя на лежащую Кристину и тлеющий ковер, по которому уже начали расползаться разноцветные языки пламени.

- Типа... не понял, - оторопело пояснил он.

Вадим молча поманил его рукой, а когда тот подошел, растерянно глядя на горящее пятно на ковре, ударил его в горло. Тот всхрипнул, повалившись, и

получил еще один удар, выбивший из него сознание.

Вадим обшарил его карманы, вынул бумажник, сотовый и документы, сдвинул Кристину к спинке и уложил бесчувственного парня рядом с ней. Потом перенес от стола бутылку с водкой, бокал и бутылку с вином. Расставив все рядом с горящим пятном на ковре, оценивающе оглядел и покосился на стол. Стирать отпечатки нет смысла - огонь уничтожит все...

Он поднялся наверх, снес свою сумку, убрал туда кассету. Все? Наверное. Приблизившись к дивану, Вадим коснулся тонкой шеи Кристины пальцами. Пульс был.

Ковер уже горел ярко, красочно, но все же он, достав зажигалку, запалил край тюлевой занавески на окне и уголок свисающей со стола скатерти. Когда он осторожно, по стенке, вышел, ковер уже полыхал, наполняя комнату едким удушливым дымом.

За дверью он остановился и посмотрел на часы.

Одиннадцать.

- Ваши пять штук. Прощу.

Вадим молча забрал пачку, сунул в барсетку. Тот нахмурился.

- Пересчитать не хотите?

Он бледно улыбнулся.

- Зачем. Там все.

- И, кстати... вам не кажется, что мы могли бы... э-э... обсудить стоимость ваших услуг? По-моему, пять тысяч - несколько... перебор.

- Скажите спасибо, что не десять, - тихо возразил Вадим. - И то - потому что меня об этом попросили.

- Кхм... - тот отвел взгляд в сторону и невпопад улыбнулся. - Конечно...
Кстати, о знакомствах. Вам ведь совсем-совсем случайно не приходила в голову мыслишка наделать копий с кассеты?

- Вам рекомендовали меня, потому что я делаю дела чисто и честно.

- Чисто? Да, труп с рубленой раной вы спрятали чисто. Не спрашиваю, где. Но она! Вы ее траванули! А если экспертиза?

Вадим посмотрел на него безвыразительно.

- Препарат разлагается через два-три часа. Следов нет. Ваш бык был без сознания, но дышал. Она тоже была еще жива. Значит, экспертиза покажет, что это не убийство и поджог: в легких будет копоть. Вы довольны?

- Хм... довольно рискованно вы это провели. А если б он очнулся раньше?

Вадим усмехнулся уголком рта.

- Не очнулся бы. К тому же, вы ведь приставили ко мне контролера. Полагаю, ему были даны указания исправить ситуацию в случае осложнений? -
Вадим посмотрел на нанимателя в упор. - Или вы направили его просто следить за мной?

- Что вы... Конечно, нет... - неловко засуетился тот, пряча взгляд в стол. - Ну... сами поймите - я ведь должен был быть уверен... Он вам мешал?

- Нет. Даже в каком-то смысле помог. Отвлекал на себя внимание.

- Тогда... - наниматель замялся на секунду, потом, набравшись духу, выпалил: - Тогда какого черта вы убили его!

- Он видел меня за работой. Вы были в курсе моих правил - никаких свидетелей.... - Вадим окинул взглядом побелевшее лицо человека напротив, чуть заметно улыбнулся. - Не беспокойтесь. Вы не видели меня в деле, стало быть, строго говоря, свидетелем не являетесь.

- Но... Моя секретарша с охранником сгорели на даче, еще один из моего персонала пропал без вести, начальник моей службы безопасности разбился на

машине - и все это в один день! Это же за версту воняет криминалом!

Вадим пожал плечами.

- Это не мое дело.

- Но вы не решили моих проблем!

- Это не входило в наш договор. Контракт включал в себя возвращение вещи, устранение свидетеля и восстановление доверия к вам в кругу неких лиц, - он помолчал, давая прочувствовать как следует важность последнего пункта. - Остальное не оговаривалось, в пределы пяти тысяч не укладывается и меня ни в коей мере не касается.

- Но... Господи, но вы понимаете, что я теперь в полном дерьме?! Зачем, в таком случае, я вас нанимал?!

- Не знаю. Еще что-то?

Человек по ту сторону стола покачал головой, и он молча двинулся к выходу.

- Да... Еще вопрос.

Вадим остановился, вопросительно обернувшись.

- Она... - тот помялся и осторожно спросил: - Вы ведь с ней... завели отношения, чтобы... подобраться ближе, да?

- К чему вам детали.

- Да это я и так понял.

- Тогда что?

- Я просто не понимаю... Столько усилий - цветы, свидания, снятая квартира, обстановка; я не понимаю. Почему нельзя было быстрее и проще? Почему не привязать было ее к стулу и... мне говорили... вы знаете, кто... что когда вы спрашиваете... Скажем так, что у вас молчат недолго.

Он качнул головой.

- Дилетантство.

- Что, простите?.. - растерянно уточнил тот.

- Я мог получить массу дезы, сказанной только ради того, чтобы прекратить допрос. Либо - ее труп; вам известно, что такое болевой шок? Конечно, в моем методе были сложности. Зато теперь я уверен в правдивости и полноте полученной информации.

Человек за столом вдруг понизил голос, неуверенно покосившись на лицо гостя.

- И... и вы после всего этого смогли ее... заживо гореть...

От того, как просто Вадим передернул плечами, тот вжал голову и побледнел.

- Я ведь уточнял - что мне делать, если я получу кассету и гарантии молчания. Вы сами дали заказ на устранение в любом случае. Этот способ оказался самым подходящим. Еще что-то?

- Да... - чуть слышно отозвался тот. - Надеюсь больше никогда не видеться с вами.

Вадим усмехнулся, уходя - так, что у сидящего за столом свело скулы и по спине словно скользнула острая сосулька.

- Учитывая ваш круг знакомств и отношение к делам... вряд ли, - возразил он, закрывая за собой дверь.

На улице накрапывал дождь. Сев за руль бежевого 'Жигуля', Вадим закурил, тронулся с места и негромко включил радио. Покосился на сиденье пассажира с лежащей на нем газетой. В колонке с хроникой событий за неделю притулилась маленькая заметка без названия о пожаре в дачном поселке - по причине неосторожного обращения с огнем.

Услышав мотив 'Авиации и артиллерии', Малахов прибавил звук радио и включил дворники.

Пожалуй, можно и заехать в бар по пути домой. Заслужил. Отличная работа.

1999 г.